

Премьера спектакля «Заседание парткома» в Московском Художественном академическом театре им. М. Горького

Те, кто видел фильм «Премия», знают историю о том, как совершенно неожиданный и непонятный на первый взгляд отказ бригады Потапова от премии, законно ей причитающейся, обнаруживая своего рода «цепную реакцию» обстоятельств и человеческих решений, мешающих людям нормально работать.

Спектакль Художественного театра, поставленный Олегом Ефремовым по пьесе сценариста картины Александра Гельмана «Заседание парткома», я смотрел, уже зная фильм, как нечто во многом для меня новое, несмотря на то, что в нем возникали как будто знакомые фигуры, факты и мотивы. С еще большей остротой я представлял себе, что сам присутствую на этом знаменательном заседании, что все, что обсуждается на нем, касается лично меня, независимо от того, работаю ли я в строительном тресте, институте, на заводе или в театре. И что я должен обязательно принять участие в голосовании по этому вопросу: за или против...

Обстоятельства дела были серьезны: начав с вещей как бы элементарных (премия-то оказывалась куда ниже тех денег, что мог бы получить рабочий-строитель, если бы не частые простои), они приводили к выводу о том, что вся стройка с самого начала велась инженерно безграмотно, опытный и вроде бы честный руководитель треста не имел мужества противостоять давлению главка. А если бы сумел? Если бы противостоял, доказал, убедил? Здесь-то и возникало главное! «Значит, все, все зависит от одного человека?» — не без язвительности спрашивал на заседании парткома один из оппонентов Потапова.

«Один настоящий человек — это, конечно, не все, но это громадно!» — отвечал всей сутью своей спектакль Художественного театра. Но для этого сам человек должен совершить поступок, достойный его звания, а это иногда, ой, как непросто! Поступок бригады Потапова обращен к каждому из нас: сможешь ли ты подобно Потапову и лучшим из его друзей отбросить соображения кажущейся и близкой выгоды, пойти на то,

чтобы испортить отношения с теми, от кого зависит многое в твоём житейском благополучии, «поставить вопрос ребром», забыть о «честь мундира», если «честь» эта — не честь, а бесчестье, словом, забыть все суетное, мелкое во имя того, чтобы, пройдя через испытания правдой, получить право с чистой совестью сказать: ты сделал все во имя дела, которое тебе так дорого и так необходимо государству.

Этот разговор о человеке, партии и государстве идет в просторном гулком зале цеха, где даже заводские трубы сделаны художником Н. Поповым так, что смотрятся, как колонны какого-то торжественного храма, уходящего ввысь, и помогают тебе понять масштаб происходящего. Душой всего, что происходит, как известно, является Василий Потапов. Мы его уже видели в фильме в исполнении Е. Леонова мягким, почти застенчивым, словно стесняющимся своего взрывчатого поступка. Сегодня перед нами в спектакле разительно иной Потапов — О. Ефремов. Характеры разные — идея одна! Ефремовский Потапов — из тех, кто «с детства не любил овал», кто «с детства угол рисовал». Это вообще, как мне кажется, одна из решающих особенностей Ефремова-художника. Его Потапов в войну был десантником. В нем и сейчас многое от его прежней рискованной профессии: он точно рассчитывает, долго готовится, как бы яростно ни полыхало внутри, умеет быть невозмутимо спокойным, а потом «вцепиться» в то, что задумал, и его не сдвинешь. Ему «не впервой». Он лукав, даже хитер, неотразимо доказателен в споре, убежден в неоправданности проверенных фактах и людях. Он человек размаха государственного.

Впрочем, максимальная убежденность в правоте позиций, как бы иные из них ни были неправы, пожалуй, отличает всех участников этого необычного заседания парткома. Спектакль открыл мне нечто новое в ситуации, которую я хорошо знал. И здесь дело не в том, что все люди сценария и пьесы были увидены по-новому. А в том, что публицистическая драма в Художест-

венном театре, ничего не потеряв в своей партийной страстности, обернулась еще и личной подоплекой борьбы, ее глубинными, подводными течениями. А разве это не так? Разве в жизни «в драме идей» не присутствуют особенности характеров, оттенки отношений, личные пристрастия, события, казалось бы, давно прошедшие, но неожиданно определяющие то, что происходит сегодня. Между знаменитым бригадиром Кочновым — В. Невинным и Потаповым — О. Ефремовым идет поединок такой силы не только потому, что Кочнов не представляет, как это можно забрать у рабочих, и в частности у него, премию, а Потапов, стоящий на более высоком уровне сознания, убежден: можно. Нет! Здесь важно еще и то, что Кочнов при всей своей «прославленности», чувствуя, что Потапов отлично видит все его слабые стороны, понимает, что нарастающая слава Кочнова гнездится в недостатках самой «системы» стройки, и за это одно он, Кочнов, ненавидит этого усатого десантника, которого почему-то в бригаде любят так, что даже усы носят точно такие же, как у него. А Борис Петрович Шатунов, начальник планового отдела, которого с какой-то угрюмой целеустремленностью отлично играет В. Расцветаев? Разве он так резко выступает против инженера Черникова — Е. Киндинова не потому, что, помимо принципиальных разногласий, связанных с твердой убежденностью Бориса Петровича в «священной» необходимости для дела доброжелательного отношения начальства, здесь еще действует элементарная зависть посредственности к таланту?

Ходит, мучается, пересаживается с места на место главный диспетчер Фроловский — как всегда покоряюще искренний артист А. Калягин. И снова в его общественном поведении играет немалую роль деликатный личный мотив. А что вы думаете, легко ли ему выступать против управляющего Батарцева, с которым он дружен десятки лет? Больше чем дружен: партнерство, на стройке ли, в театре, — это близость, равная кровному родству. Его выступления — поступок! К нему нелегко прийти. «Весь вопрос в том, где у нас в душе проходит граница между допустимым и недопустимым», — говорит он в своей сумбурной речи.

У Батарцева (М. Зимин) эта граница размылась, он то и дело переходит ее, сам в лучшие свои минуты понимает это, и отсюда

где-то внутри непроходящая боль. Ее не заглушить командирской бравадой, как не снять вины своей за все, в чем виноват. Это общее понимание границы допустимого сделало союзницей Потапова суховатую на вид, чуть смешную умницу Миленину (Е. Ханаева) и положило предел ее одиночеству. Эта граница заставила незаслуженно обиженного, как бы вышедшего из игры, поистине талантливого современного инженера Черникова (Е. Киндинов) снова выйти «на орбиту» действия. Актер и режиссер очень точно выстроили эту «позицию обиды», вынужденного отчуждения, когда заставляешь вести себя так, как будто тебе наплевать на то, без чего ты не можешь жить. «Читаю «дю-дюк-тив», и пропадай все пропадом!» Какое государственное преступление — человека обидеть! Чувство этой границы, высокая мера ее в крови у секретаря парткома Соломахины, пожалуй, первой роли такого плана у артиста Е. Евстигнеева.

Когда мой учитель Н. Хмелев репетировал роль председателя ревкома в «Бронепоезде 14-69» — тогда такая роль была вообще первой в истории нашего театра, — он, по воспоминаниям Вс. Иванова, однажды подошел к нему и тихо сказал: «Я хочу немножко походить на Ленина... В начале сцены, в фанзе я чиню карандаш. Так вот, карандаш у меня будет с металлическим наконечником... какие он любил... и лицо немножко, совсем немножко, один только легкий намек, похоже на Ленина. Вы как думаете? Можно?..» Мне показалось, что страсть заключительного евстигнеевского монолога, утверждающего властную необходимость отбросить все, что тормозит ход научно-технического прогресса и мешает человеку, призванному историей осуществлять его революционное движение, тоже имеет своим источником этот ленинский камертон.

В финале праздничного спектакля Художественного театра нет ликующих фанфар. Он кончается глубоко, набрякшим мыслями молчанием. Молчанием очищающего нравственного урока. И именно в этом очищающем горниле правды сила и зрелость спектакля Художественного театра, настойчиво ищущего свое предназначение на новом историческом рубеже страны.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ
заслуженный деятель
искусств РСФСР.

«Сов. культура», 1975, 4 ноя